

Отчизне

Уральских гор могучие шеломы.
Глухих холмов сухие ковыли.
Вползает поезд ящеркой зелёной
На дикий гребень в голубой пыли.

За речкой Белой, повторив изгибы,
Уйдёт в проруб туннеля, в темноту,
А вынырнет — увидят, кто бы ни был!
Глубинную Отчизны красоту...

Твоих полей полынное остожье,
Твоих лесов немеренную высь.
И есть пути прекраснее, быть может,
Но от своих дорог не отрекись.

Они вели, а не были ведомы!
Вчера по ним богатыри прошли...
Уральских гор могучие шеломы,
Глухих холмов сухие ковыли.

Шли тучи на закат, как волны спелой ржи,
Ушёл в небытие вчерашний ветер в поле.
О, потрясенная Земля, в своей доле
О чем задумалась, родная, расскажи!

О том ли нищем, что бредёт с клюкой,
О том ли алчном, что не знает горя.
На Запад смотрит он, и с совестью не споря,
Он скоро на тебя махнёт рукой.

Смотри, откупорит и опорожнит вмиг
Твой пьяный чертолом зелёную бутылку.
Никак не заведёт забытую косилку
Еще охочий на крестьянский труд старик.

Все ближе подступает ад бетонный,
А люди пришлые язвят твои стерни...
Ужели мы дадим исчислить наши дни
И край попруть — небесный и зелёный!

Встреча

Багряные листья, упавшие на плечи, Порфира осени — святое торжество. И чувствует душа, вступая в эту встречу, С багрянородною печальницей родство.	Благоволит и зрению, и слуху. В дыханье сонных вод отражено. И помысл так высок у человека... И Благодать, как рек Иларион, Исполнила всю землю. День от века Надеждой, Верой и любовью осенён.
Всё непритворно в ней и внятно духу, Спокойно, величаво сложено.	

В Болдине

Счастливый плен. И охристо-туманный
За старой мельницею рощицы дымок.
И слово «карантин» звучит так странно,
Снег Чёрной речки нереален и далек.

И узкою листвою с ветлы склонённой
В лирической глуши усеян пруд,
Под углою луной уединённой
Легки, как вихрь, стихи его растут,

И девочка, печалью вдохновенною
Озарена, как будто Натали,
Читает чистым голосом — нетленное:
О божестве, о счастье, о любви...

Прощание

Безмолвных птиц полёт Над тихою рекой. Как за сердце берёт Высокий твой покой!	Забрезжит синий дым Озимого клочка. Холмы, холмы, холмы, Холодных гор гряда... И тишь, и глушь зимы, Как будто навсегда.
---	---

* * *

Там я птицею певчей была. Был мне друг — дурачок из села. От дурманящих снов с сеновала Я к нему спозаранок слетала.	Мы летели, свистел краснотал, Кнут, как выстрелы, землю хлестал. И слетела с меня телогрейка, И алел по степи маков цвет... Пожалей-ка, село, пожалей-ка! Что таких дурачков больше нет.
---	---

Околица

Эх, не потворствуй, околица, городу.
Как ты была хороша!
Всё, что мне смолоду было не дорого,
Вдруг оценила душа.

Тёмных три дома стоят заколочены.
Где ты, родимая мать?
Кто это русской землёю ворочает,
Реки ворочает вспять?

Что там теперь? Растревожит бессонница...
Медлить уже не могу:
Встретит меня молчаливая звонница,
Белая в белом снегу.

* * *

Море срывало кольцо с сердоликом, Что ж, не жалею, лови! То, что мерцало серебряным бликом, Бликом заветной любви.	Полно! Смирится и сильное море, В небе забрезжит звезда. Тихо раскинется ночи палатка, Красный погаснет закат. Звёзды застынут в холодном порядке. Что же так чайки кричат!
---	--

Снег

Прилетел! Прилетел! Бросил в ноги букеты,
В скверах белые вырастил за ночь цветы,
Отчего же так горестны эти заметы,
От небесной — от чистой его красоты?

Через купы деревьев краснеет рябина,
Ветка жёлтыми листьями тонет в снегу,
Ну и что из того, что я землю покину...
Что же в сердце моём, что сейчас сберегу?

Что сейчас пронесу я с душой обнажённою,
Через мир и себя, через память и кровь.
Разве тяжесть казны, разве душу казённую
Пронести в неизбежную рифму — любовь!

Жить бы так, как природа — прекрасно и бережно,
Прилететь и растаять, и вновь прилететь,
И не думать, не ждать отдалённого берега,
С неизбежною рифмой его — умереть.

Память

Ожил на могиле Белый камень.
Нежной зеленью подёрнулись бока.
Украшал его горячий пламень
Купленного в городе цветка.

Кто почил там? Дева Евдокия.
Этой деве ровно триста лет...
К той, которой и под камнем нет,
Вёл тропинки неприметный след
И воспоминанья дорогие.

* * *

Смолкла воронов чёрная стая.
Дед, вздыхая, весь вечер молчит.
Пишешь ты, что дрова догорают,
Догорают в насытой печи.

Пишешь: ветер летает и злится
По-над крышей почти с Покрова.

Воет печь — или воет волчица:
Не просохли и за ночь дрова...

Выстывает изба, выстывает.
Без тепла-то и сил не сберечь.
Что ж никто не умеет, не знает,
Как насытить голодную печь?

Фомка

1

Ходит Фомка за оврагами,
И когда бедняга спит?
То с лопатою, то с граблями
В чистом полюшке корпит.

Что под солнцем, что под тучею —
Сам хозяин-голова.
Да цепляется колючая
За него бурьян-трава.

Не упрямясь, Фомка! Маятно!
Брось ты землю, уходи!
Нет! — ответил Фомка праведный, —
Мать-земля в моей груди!

2

Ком земли размял руками.
Выбрал стёкла, кости, камень.
Так всю жизнь — с утра до ночи
Всё пласты земли ворочал.

Перспективно ли — не думал
Землю-матушку любить,
Умно вышло ли, неумно —
В одиночестве робить.

Лишь напишет дочке в город:
«Собираю урожай.
И привёз бы, да не молод.
За картошкой приезжай!»

* * *

Вадиму Кожинкову

Что кроется в жемчужине, внутри,
Из воздуха горячая пылинка?
Одну растят, лелеют, посмотри,
Как драгоценною становится песчинка.

Другая же в тюрьме заключена.
И таинство рождения скрывая,

Она лежит на глубине морского дна,
Где серебристых рыб проходят стаи.

Отыщет ли её ловец иль вор,
Любовник или истинный ценитель —
По воле волн сокрыт её затвор,
И глубина хранит её обитель.

Брату

Приедешь, поклонись далёкой
Могиле матери моей.
Скажи, что стала одинокой
Я без неё. А жизнь — бедней.

Да посади — она любила
Цветочки голубого льна,
Чтобы весной цвела могила,
Издалека была видна.

И я приеду, хоть не близко,
К простому привезу кресту
Московский ландыш серебристый
Волжанке-маме, как мечту.

Да с корневым комком берёзу
Из леса маминой весны,
Да раскулаченные слёзы
Всех виноватых без вины.

Рубцову

Он с фотокарточки глядит
В большой ремесленной фуражке.

Не вспоминайте жалкий вид
Его застиранной рубашки.

Те, кто его не узнавал,
Поглядывал высокомерно,
Кто славу у Поэта крал...
У вас последний, стал он первым.

По крохе соберём теперь
Жизнь... Одинокая ловитва...
Поэт! Среди святых потерь
Ты — обрётённая молитва.

Сквозь снега

Чем же ты был недоволен вчера?
Тёплые листья и тёплые лужи.
Нынче не горсти — мешки серебра
Мечет в окошко небесная стужа.

Ввалятся белых медведей белей,
Живо оттают. Пойдут разговоры...
Слушай про белок, волков, соболей
Сказы охотничьи, хитрые споры.

Бешено белит она белый свет,
Кругом кружит и куражится вьюга.
К нам звероловы нащупают след,
Словно посланцы с Полярного круга.

В мире рассеянном — в поле былом
Люди нашлись и пришли... Слава Богу!
Виден пока сквозь снега этот дом,
Видно и к русскому ладу дорогу.

Воля

Не ревнуй меня к песне
И к стихам не ревнуй,
Всё осталось на месте —
Первый наш поцелуй,

И желанные дети,
И семейный покой.
Нет дороже на свете
Вольной воли с тобой...

Встанешь ты до рассвета
И увидишь — тяну

Злую долю поэта —
Золотую струну.

— Есть же Лермонтов, Пушкин,
Есть Рубцов, Кузнецов.
Вы же, словно кукушки,
Нароняете слов...

Но кукушкины слёзы
Соберёшь, не вина,
И простишь мои грёзы,
И уснёшь без меня.